

А.В. Чудинов. ЖИЛЬБЕР РОММ И ПАВЕЛ СТРОГАНОВ: ИСТОРИЯ НЕОБЫЧНОГО СОЮЗА. М.: Новое литературное обозрение, 2010, 344 с.
В.С. Ржеуцкий, А.В. Чудинов. РУССКИЕ “УЧАСТНИКИ” ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. – Французский ежегодник. 2010. М.: Квадрига, 2010, 236 с.

Иностранные гувернеры в России при Екатерине II и Александре I – один из сюжетов, интерес к которым не ослабевает с течением времени¹. Его востребованность в немалой степени объясняется и тем, что он лежит на пересечении множества направлений как макро-, так и микроисторических исследований – это и попытка поворота России в XVIII в. на западный путь развития, и проникновение в страну идей Просвещения, и активизация политических и культурных связей между Россией и Европой, и повседневная жизнь российского дворянства.

Амбиции просветителей по созданию “нового человека” давно привлекают внимание историков. Именно XVIII в. принадлежит идея о том, что человек рождается, по сути, дикарем: ребенок ходит на четвереньках, издает нечленораздельные звуки, легко может причинить себе вред, не имеет ни малейшего представления о морали и этике. Цивилизовать его, научить жить правильно, интегрировать в общество, вложить ему в голову безупречные моральные нормы – все это задача воспитателя. Возможности воспитателя безграничны; душа человека – лишь податливая глина в руках умелого скульптора. Отсюда следует представление и о величайшей ответственности воспитателя, и о том, что он должен быть профессионалом: доверять родителям столь важное дело стало казаться опасным. “Слово *воспитание* сегодня у всех на устах, – писал современник, – о нем кричит вся Европа. Когда люди слышат или говорят о нем, их непременно охватывает какое-то воодушевление. Никогда прежде этой теме не посвящалось такое количество трудов, такое множество теорий”². Одной из самых популярных таких теорий стала концепция Ж.-Ж. Руссо, изложенная им в “Эмиле” и некоторых других произведениях. Поклонников философа не смущало даже то, что сам Руссо предпочел отдать своих детей в воспитательный дом. Не удивительно, что его представления о педагогике были сугубо умозрительны.

¹ Лишним свидетельством этому служит прошедшая в сентябре 2009 г. в Санкт-Петербурге международная конференция “Франкоязычный гувернер в Европе, XVII–XIX вв.” Материалы, относящиеся к французским и швейцарским гувернерам в России, см. Французский ежегодник. 2011. М., 2011.

² Цит по: Роджеро М. Воспитание – Мир Просвещения. Исторический словарь. М., 2003, с. 248.

Впрочем, существует мнение, что он в немалой степени выступал здесь как интерпретатор Дж. Локка.

Применительно к России второй половины XVIII в. тема воспитания приобретала тем более важное звучание, что гувернеру вменялось в обязанность не только сформировать “нового человека” в соответствии с модными теориями, но и европеизировать его: научить иностранным языкам, подготовить к жизни в свете, сопровождать в путешествии по континенту, которое входило в моду как раз в это время. Так, именно Российская империя в немалой степени стала тем полигоном, на котором были опробованы рекомендации философов по воплощению в жизнь новой модели воспитания – целенаправленного, систематического, под руководством квалифицированных наставников.

Впрочем, эта модель на российской почве даже в теории не могла оказаться гармоничной и целостной, поскольку изнутри ее разрывали два разнонаправленных вектора. С одной стороны, считалось, что именно Франция предлагает неоспоримые интеллектуальные и морально-нравственные каноны для всей Европы. Соответствовать им, значит, перестать быть дикарем и варваром, превратиться в настоящего цивилизованного европейца. На распространение такого мнения сильное влияние оказывала французская литература, где подчеркивалось: Российская империя – далекая периферия, куда долетают лишь отдельные веяния истинной культуры, подлинного светского воспитания. “Да, господин иностранец, – с вызовом писал в 1780-х годах Л.-С. Мерсье, – можете смотреть на меня во все глаза и всячески выражать свое удивление: у нас существуют особые преподаватели, обучающие манерам и всему, что необходимо знать молодым людям, желающим овладеть искусством нравиться! Это искусство имеет свои законы и развивается не ощупью, как на берегах Невы”³.

С другой стороны, российские аристократы, безусловно, не стремились к тому, чтобы их дети сделались настоящими французами. Иная вера, иная национальная психология, большие моральные и политические свободы – все это заставляло, даже на фоне нарастающей галломании второй половины XVIII в., относиться к Франции настороженно, вплоть до воинствующей

³ Мерсье Л.-С. Картины Парижа. М., 1995, с. 162.

щей ксенофобии с примесью уязвленного самолюбия, явленной Д.И. Фонвизиным в его письмах из-за границы. “Я думал сперва, – писал он, – что Франция, по рассказам, земной рай, но ошибся жестоко. Все люди, и славны бубны за горами! Удивиться должно, друг мой сестрица, какие здесь невежды. Дворянство, особливо, ни уха ни рыла не знает. Многие в первый раз слышат, что есть на свете Россия и что мы говорим в России языком особенным, нежели они”⁴.

Российская аристократия неминуемо сталкивалась с проблемой выбора подходящего воспитателя: приходилось либо довольствоваться теми иностранцами, которые в силу разнообразных причин уже оказались в России, либо специально приглашать гувернеров из-за рубежа, основываясь на рекомендациях. Нередко подобный выбор становился сложной психологической проблемой: граф или князь вынужден был доверить своих детей простолюдину и инверцу с иным менталитетом, с совершенно иным жизненным опытом. Порой наниматели испытывали немалое раздражение, постоянно терзаясь сомнениями в должной квалификации наставников и их бескорыстности. Отсюда и происходит тот образ гувернера, который кокету по русской классической литературе XVIII–XIX вв., – человека жадного, некавалифицированного, с темным прошлым.

Увековеченный Пушкиным “француз убогий” стал постоянным кошмаром российского дворянства. Из уст в уста передавались истории о том, как наивные родители нанимали учителями лакеев и кучеров, а то и вовсе преступников. “Известен случай, – отмечал Ю.М. Лотман, – когда появившийся в России беглый каторжник-француз, демонстрируя бурбонский герб на своем плече (уголовным преступникам в дореволюционной Франции палач выжигал на плече клеймо – королевскую лилию), уверял русских помещиков, что этим знаком отметили себя принцы крови, чтобы узнавать друг друга в эмиграции. Мнимому принцу воздавались доверчивыми провинциалами королевские почести, и он чуть было не женился на дочери своего гостеприимного хозяина”⁵.

Складывается впечатление, что подобные истории формировали у нанимателей своеобразный комплекс. Однако если основываться на воспоминаниях, письмах и дневниках вос-

питателей, то получается совсем иная картина: гувернеры нередко считают себя благодетелями, несущими свет истинной культуры в далекую варварскую страну, возмущаются низким жалованием, а также постоянно демонстрируемым неравноправием, отношением к себе, как к слугам.

Неизбежно возникают вопросы об эффективности деятельности таких гувернеров. Получали ли аристократы то, что хотели? Удавалось ли наставникам сформировать из их детей настоящих людей эпохи Просвещения – воспитанных, закаленных, с философским отношением к жизни, ведомых разумом?

Ответам на эти вопросы и посвящена монография доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института всеобщей истории РАН А.В. Чудинова “Жильбер Ромм и Павел Строганов: история необычного союза”. Проведенное им исследование напоминает лабораторный опыт в идеальных условиях: у читателя нет оснований сомневаться ни в ученике, ни в учителе.

Гувернером в данном случае был Жильбер Ромм (1750–1795) – будущий депутат Законодательного собрания Франции и Национального Конвента, “цареубийца”, убежденный монтеаньяр, один из авторов революционного календаря и проекта реорганизации образования во Франции. Будучи приговоренным к смерти за поддержку народного восстания в 1795 г., он воскликнул: “Я отдам свою кровь за Республику, но я не доставлю своим врагам удовольствия ее пролить!”. Не дожидаясь казни, Ромм покончил с собой, заколовшись кинжалом.

Его воспитанник не менее известен. Павел Александрович Строганов (1772–1817) был крестником Павла I, другом детства Александра I, членом знаменитого Негласного комитета, обсуждавшего планы реформ на заре его царствования, блестящим офицером, генералом, дважды Георгиевским кавалером, участником Войны 1812 года, сенатором.

“Эта история началась более 200 лет назад, – заметил А.В. Чудинов на церемонии вручения ему в 2010 г. премии Анатолия Леруа-Больё за лучшую монографию о французской культуре, – и подходит к концу только сегодня”. Его книга действительно поставила точку в сюжете об обучении Строганова у Ромма. Во-первых, потому, что более кропотливое и тщательное исследование на эту тему написать уже сложно. А во-вторых, хотя об обоих персонажах и их взаимоотношениях опубликовано множество научных и научно-популярных работ, все они на разный лад излагают одну и ту же историю. Это история о том, как будущий монтеаньяр и талантливый воспитатель сумел сделать из

⁴ Фонвизин Д.И. Письма из второго заграничного путешествия (1777–1778). – Фонвизин Д.И. Собр. соч. в 2 т., т. 2. М. – Л., 1959, с. 422.

⁵ Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина “Евгений Онегин”: Комментарий. Пособие для учителя. – Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; “Евгений Онегин”: Комментарий. СПб., 1995, с. 496, 497.

русского “принца” якобинца и революционера, стремившегося перенести достижения Французской революции на российскую почву.

Сотни документов, введенных в оборот А.В. Чудиновым, полтора десятилетия его работы во французских и российских архивах вылились в книгу, которая, по сути, рассказывает совсем об ином. Макроистория, взгляд со стороны, оказалась не в ладах с микроисторией. Образы, воспринимавшиеся как “канонические”, весьма убедительные на расстоянии, при проверке архивными источниками превратились в карикатуру на самих себя.

Наибольшие изменения у А.В. Чудинова претерпевает образ Ромма, неожиданно обретая конкретные черты того портрета революционера, который набрасывал широкими мазками французский философ и историк И. Тэн и который часто воспринимался как злобный шарж: “Люди, мало привязанные к своей профессии из-за своего второстепенного или подчиненного положения... Те, кто в обычное время сохранял бы оседлость в пределах своего сословия, превращаются в кочевников и сумасбродствуют в политике... На первый план выходят те, кому классическое образование позволяло усвоить абстрактные принципы и сделать из них выводы; однако, будучи лишены необходимой подготовки, оказавшись замкнутыми в узком кругу дел местного масштаба, они не способны представить себе всю сложность безбрежного общества и законы, по которым оно живет”⁶.

В главе 3-й «Осада “республики наук»» А.В. Чудинов подробно показывает путь таких людей. Соблазненные единичными примерами выдающихся просветителей и ученых, они прибывали в Париж, чтобы штурмовать литературные и научные вершины, рано или поздно выясняли, что это им не по возможностям и не по талантам, и превращались в желчный и ненавидящий весь мир “литературный пролетариат”, готовый ради выживания братья за любые дела. Ромм, заявлявший: “Я ненавижу историю почти так же, как и обычную литературу!” (с. 87), видел для себя исключительно научное поприще. Однако, мечтая о карьере математика, никакого образования в этой области он так и не получил. Надумав обрести медицинское образование, он вскоре забросил накутившие ему штудии. Ни в одной науке он ничего не добился, да и не особенно старался. Частные уроки давали лишь небольшой и нестабильный заработок, никак не приближавший его к славе. Не удивительно, что Ромм, правда, после долгих и нелегких размышлений

принял предложение графа Строганова стать гувернером его сына.

Проведенный А.В. Чудиновым анализ пребывания Ромма в России добавляет новые штрихи к его портрету. И сам преподаватель, и предложенные ему условия, идеально укладывались в концепцию Руссо: гувернер должен быть молод, оставаться рядом со своим воспитанником долгие годы и не разлучаться с ним, не обладать педагогическим опытом, заниматься с ребенком богача, а не бедняка (с. 150–151). Хотя Ромм имел довольно четкие представления о методике занятий со своим воспитанником и собирался стать для него “вторым отцом” (с. 149), полное отсутствие опыта сыграло роковую роль: конфликты между ними множились, несовпадение Павла с идеальным Эмилем чрезвычайно раздражало воспитателя. Итогом стало письмо Ромма графу Строганову: “Господин Граф, я признаю свое бессилие. Я чувствую себя абсолютно неспособным достичь даже посредственных успехов на этом тернистом поприще. Опыт более чем семи лет дает мне право признаться в своей полной непригодности” (с. 170).

Как показывает автор на основе документов, найденных им во французских архивах, Ромм успешно проявил себя в деятельности совсем иного рода. Известно, что гувернер много путешествовал со своим воспитанником по России. Трудно сказать, насколько большое влияние эти путешествия оказали на формирование характера Павла Строганова, но что касается Рома, то они позволили ему информировать королевские правительство о состоянии и боеготовности русской армии. Ремесло шпиона оказалось легче, чем труд гувернера.

Так, из писем и документов, страница за страницей, у читателя складывается совершенно иной образ, плохо согласующийся с “пламенным революционером” и “последним монтаньяром”. Ромм предстает человеком бес talentным, завистливым, мелочным, склочным, мстительным, ничего толком не умеющим, но не отдающим себе в этом отчета. Он не лишен усердия, однако лишен способностей. А главное – его переполняют амбиции, жажда славы и процветания и раздражает собственное социальное положение. Он хочет большего. Возможность реализовать себя дает ему революция, на мгновение превращающая маленького человечка в масштабную личность. “В свете последующей героической гибели, – размышляет автор, – каждому этапу его земного пути придавалось и придается особое значение: и любви к наукам, и воспитанию им наследника богатейшего аристократического рода, и экзотической поездке в далекую, загадочную Россию. Авторы, пишущие о Ромме, до сих пор, за

⁶ *Taine H. Les origines de la France contemporaine*, v. V. Paris, 1904, p. 42–43.

редким исключением, исходят из имплицитного убеждения, что человек, сумевший столь ярко окончить свою жизнь, должен был и прожить ее не менее ярко, а потому “по умолчанию” предполагают у него наличие неких скрытых талантов и пока еще не оцененных достижений в тех сферах деятельности, к которым он прилагал свои усилия: математике, педагогике, естественных науках. Однако, восстанавливая по документам ход его жизни, трудно избавиться от мысли, что все же наиболее ярким эпизодом его биографии была именно героическая смерть” (с. 314).

С началом революции педагогические идеи Руссо быстро оказываются забыты. Впрочем, книга наглядно показывает (хотя автор и не говорит об этом впрямую), в какой мере они были искусственны, умозрительны, плохо проходили проверку жизнью. Невольно вспоминается анекдот, рассказанный некогда князем Долгоруковым: «В одном семействе, хорошо мне знакомом, было шесть сыновей. Предстояло заняться воспитанием младшего, когда появился “Эмиль” Руссо. Отец порешил, что лучшего он не может сделать, как последовать указаниям женева философа. По окончании же воспитания отец в отчаянии написал этому прославленному писателю, что, приняв его советы о воспитании, он сделал какое-то чудовище из своего последнего сына. Руссо отвечает ему так: “Издавая свою книгу, я мог надеяться, что ее будут читать, но вовсе не воображал, что найдется такой неразумный отец, который последует моим указаниям”⁷. Единственное, что удалось вложить Ромму в своего воспитанника, – это пристрастие к стройным, геометрически выверенным логическим построениям и комплекс умеренно-либеральных идей.

Либеральных, но не революционных. Рассказ о взаимоотношениях Павла Строганова и его гувернера выводит на еще одну проблему: в какой степени идеи Просвещения революционизировали российское дворянство и в какой мере подданные Российской империи могли проникнуться идеями 1789 г.? В советское время ответы на эти вопросы не вызывали сомнений. Просвещение – “процесс идеологической подготовки революции”⁸. Радищев – первый русский революционер, и на этот путь, как полагала еще Екатерина II, его толкнули именно французские события. Сторонников революции в империи было множество, и правитель-

ство обрушивало на них жесткие репрессии. Русские аристократы, оказавшиеся в то время в Париже, приняли в революции самое активное участие. Павел Строганов стал членом Якобинского клуба; публично высказывал надежду, что и России он увидит обновленной⁹ по примеру Франции. А двое молодых князей – Дмитрий и Борис Владимировичи Голицыны – вместе с восставшим народом штурмовали Бастилию¹⁰.

Этот комплекс представлений стал предметом анализа в публикации «Русские “участники” Французской революции» А.В. Чудинова и В.С. Ржеуцкого, преподавателя университета Париж X, специалиста по французским эмигрантам в России. Авторы напоминают, что Радищев “вошел в историю не только как первый, но и как единственный русский революционер того времени” (с. 7), а сторонников Французской революции в России было так мало, что историки даже затруднились назвать их, отделяясь туманными фразами, вроде: “Полицейские преследования, по-видимому, распространялись на широкий круг людей, оставшихся нам неизвестными”¹¹. В постсоветское время мало что изменилось, разве что в число штурмовавших Бастилию стали включать и Павла Строганова.

Между тем, как показывают авторы публикации, дело обстояло не совсем так. Павла в революционном Париже гораздо больше волновали не те события, свидетелем которых он был, а война России со Швецией и Турцией, а также угроза внутренних неурядиц в империи. Он действительно вступил в Якобинский клуб, но меньше чем за неделю до отъезда из Парижа и, в лучшем случае, мог посетить всего лишь несколько заседаний (с. 21). Да и последующая жизнь Строганова в России показывает, что его “участие” в революции, скорее, послужило своеобразной прививкой от крайностей. Будучи членом Негласного комитета, он видел свою цель прежде всего в том, чтобы отговорить Александра I от излишне поспешных и чересчур радикальных преобразований.

Что же касается Голицыных, то они, так же, как и Павел, были жертвами педагогических экспериментов гувернера. Их воспитатель Мишель Оливье практиковал весьма деспотичский стиль наставничества: ограничивал круг

⁹ История внешней политики России. М., 1998, с. 136.

¹⁰ См., например: Макашин С. Литературные взаимоотношения России и Франции XVIII–XIX вв. – Литературное наследство, т. 29–30. М., 1937, с. XX.

¹¹ Штраге М.М. Русское общество и Французская революция 1789–1794 гг. М., 1956, с. 80.

⁷ Цит по: Лотман Ю.М. Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века. – Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб, 2002, с. 430.

⁸ Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983, с. 56.

общения своих подопечных и отказывался покупать им книги, чтобы книги не отвлекали их от занятий. Голицыны действительно находились в Париже в самом начале революции, однако и в данном случае биографы приукрасили реальные события. 14 июля Бориса вовсе не было в Париже, а об участии Дмитрия мы располагаем лишь его собственным свидетельством. Четыре десятилетия спустя Дмитрий якобы рассказывал, что 14 июля проходил по площади и восставшие заставили его помогать перетаскивать какие-то вещи, чем и ограничилось его участие в штурме (с. 37). Сочувствия Голицыных восставшим в тех материалах, которые до нас дошли, не прослеживается. Скорее, наоборот. Иными словами, все три “активных участника революции”, упоминания о которых мы встречаем в исторических трудах,

являлись не более чем свидетелями парижских событий.

Таким образом, в монографии А.В. Чудинова и в подготовленной им совместно с В.С. Ржеуцким публикации документов, помимо темы гувернерства, дан критический анализ наиболее распространенных и не подвергавшихся сомнению представлений о восприятии в России идей французского Просвещения и революционных событий 1789 г.

Д.Ю.Бовыкин,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры новой
и новейшей истории стран Европы и Америки
исторического факультета
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова